

80

*Тарай
Рахим*

Жёлтые каштаны

крымская повесть*

СНАЧАЛА стали желтеть каштаны. Дни ещё стояли тёплые, люди загорали на солнце, купались в море... и всё же каштаны оделись в цвета осени. Наступил октябрь, и каштанам пришлось подчиниться законам природы. Их листья ещё не съёжились, не начали сохнуть – они были такими же, как в середине лета, только вот в них потихоньку начинала просачиваться позолота.

Листва каштанов на удивление жизнестойка. Крымские дубы уже давно скинули свой красновато-коричневый наряд. Грецкие орехи лишились шелестящих одежд буквально за одну ночь. Даже на толстых, мясистых, блестящих листьях вечнозелёных магнолий появились бордовые пятна, будто деревья должны облететь, хотя магнолия, как известно, никогда не осыпается, ни

* Печатается в сокращении.

осенью, ни зимой. А вот каштаны разденутся. Да, так и произойдёт, потому что природу не обманешь. Она непременно разбросает их листья по земле, подвергнет гниению, уничтожит.

«Каштаны, каштаны... – подумал Гумер, потёр лоб и уставился в какую-то ему одному известную точку. Там, куда он смотрел, рос куст инжира с ослепительно изумрудными листьями, но Гумер не видел это великолепие природы. Внезапно он ощутил какой-то странный горячий озноб во всём теле.

«Нет, нельзя всё время думать об одном, – заключил про себя Гумер. – Даже заболел вот. Приехал в Крым, чтобы подлечиться, и думать надо только о здоровье».

Вдруг свежий, целительный ветерок подул с моря и соединился с дыханием Гумера, слегка потрепал волосы, мягко прошёлся по лицу, ласково высушил чуть повлажневшие глаза и улетел куда-то в сторону Ай-Петри. Гумер глубоко вздохнул, да и подмигнул невидимому дуновению с моря. Врачи говорили, что ему полезен морской воздух, и советовали чаще находиться у воды, насыщаться её солёным дыханием.

* * *

Город Алупка, где находился санаторий, разместился между скалой Ай-Петри и Чёрным морем. Этот город южного берега Крыма уютно приютился на склоне высокой горы, поэтому всё пространство от улицы, где стоял Гумер, просматривалось как на ладони до самого моря, синеющего внизу. Повыше находился знаменитый парк, где росли субтропические деревья: кипарис, крымская сосна, платан, пышные магнолии, итальянская сосна, ливанские и гималайские кедры, пальмы, секвойя...

Гумер не раз гулял по этому парку и всё-таки не мог назвать все растения. Тем не менее по прочитанным в детстве и юности книгам он узнавал то оливу, то твёрдое, как железо, буквое дерево, то хурму, айву, грецкий орех, хризантему или олеандр. Он знал также, что кипа-

рис завезли в Алупку с острова Кипр, и отсюда началось распространение его по всему Крыму и Кавказу. Гумеру рассказали и про директиву одного из руководителей СССР вырубить все кипарисы. Дело это происходило несколько десятилетий назад, ещё до войны. Одна буфетчица-армянка, работавшая здесь уже тридцать лет, поведала ему историю про некий важный чин, занемогший от укуса комара. Врач, лечивший сановника, возьми и скажи, что его сиятельство укусил комар, обитающий в кроне кипариса. Разъярённый чиновник тут же приказал уничтожить под корень все кипарисы. Однако образованные садоводы, ведущие в Крыму научные исследования, встали на защиту хвойного красавца, доказывая, что дерево не вызывает у комаров желания «поселиться» именно в его ветвях. Более того, они вполне резонно утверждали, что без этих вечнозелёных пирамид Крым уже не будет Крымом. На счастье, сиятельный вельможа оказался человеком неглупым, внял объяснениям и советам учёных и отменил своё распоряжение, хотя наиболее рьяные служители успели уничтожить часть деревьев.

Рядом с парком, на первой же улице города расположилась центральная площадь, где, украшенный цветами, стоял памятник средней величины. Его возвели в честь уроженца Алупки, дважды Героя Советского Союза легендарного лётчика Амет-хана Султана. Во время Великой Отечественной войны он был младше всех лётчиков в авиадивизионе, где служил, и стал самым молодым героем Советского Союза. Свою первую героическую звезду Султан получил за мужество в воздушных боях в небе Белоруссии. Смелого и смыслёного, закалённого в боях джигита назначили инструктором лётчиков, только что закончивших авиашколы. А вскоре Амет-хан Султан снова совершил подвиг и удостоился второй Золотой Звезды Героя. После войны его пригласили на должность лётчика-испытателя новых самолётов, и здесь он проявил себя во всём блеске. В 1972 году уже

в мирном небе он совершил ещё один подвиг, только на этот раз, увы, ценой своей жизни.

А в послевоенные годы Амет-хан Султан часто приезжал в родную Алупку. Памятник ему поставили ещё при жизни, и он часто возлагал цветы к подножию собственного обелиска, якобы подразумевая этим всех репрессированных во время войны крымских татар. По словам той буфетчицы-армянки, Амет-хан в юности был даже влюблён в неё. Гумер с интересом слушал рассказы женщины и не раз подходил к памятнику, подолгу вглядываясь в изваянное скульптором лицо героя.

От центральной площади Гумер поднимался по причудливым ступеням, на которых располагались улицы Алупки. Параллельно с ними шли густые заросли из южных деревьев и цветов, а за ними прятались каменные дома, в маленьких садах которых умудрялись выращивать урожаи винограда, хурмы, граната, инжира, айвы, груши...

«Если в мире и существуют рай, то один уголок его находится в Крыму», – думал Гумер.

* * *

Пока он любовался городом, вернулся бродивший где-то морской ветер и снова, как старому знакомому, потрепал ему волосы, пощекотал мочки ушей. Гумер обрадовался баловню моря и весело крикнул в воздушный поток:

– Эй, ветер, ты случайно не дурачок?

Озорник от такого непочтительного обращения как-то присмирел, а затем взвился в небо, стремительно упал, растормошил кусты инжира. Снова взмыл и раскачал высоченный, как минарет мечети, кипарис, потом ястребом вернулся к Гумеру и прилепил к его лицу пожелтевший лист каштана. Это было как бы ответом на выкрик Гумера. А у него внезапно сжалось сердце, он вспомнил последние дни своей матери. Гумер взял в руки высохший листок и прошептал:

– Мама умерла, пожелтев, как этот лист.

– Все на свете перед кончиной меняют цвет, – сочувственно прошелестел в ответ ему ветер, – и люди, и листья, и камни, и луна, и даже ветер. Только дуновение смерти невидимо.

– Мама рано ушла из жизни. Никому она не желала зла и не делала плохо.

– А хорошие люди всегда умирают рано, даже если смерть настагает их в девяностолетнем возрасте.

– Ты, ветер, наверное, хороший человек...

– Я не человек, я – ветер.

– Тогда будь другом, слетай в Татарстан. Там найдёшь маленькую речушку Тебеташ, что значит Каменное Дно. Вдоль этой речки расположено небольшое сельцо, утопающее в зарослях тальника. В этом ауле живёт девушка по имени Фалина, она только что закончила 10-й класс. Будь моим вестником, добрым другом, посвящённым в мои тайны, и передай этой девушке от меня привет и вернись с ответом.

– Как же я её узнаю?

Очень просто... Соедини глаза Мирей Матье, профиль носа Нефертити, уголки губ Венеры Милосской, нежные крылья носа Наташи Ростовской, подбородок несравненной Зулейхи, щёчки пушкинской Людмилы, чудесные ресницы ханши Сююмбеки, брови луноподобной Зухры, лоб царицы Тамары, жемчужные зубы цыганок, розовощёкость русских молодок, чёлки грузинок, длинные косы татарских красавиц и добавь немного веснушек... Получится девушка, похожая на Фалину, хотя Фалина в действительности гораздо красивее...

– Но ведь этой девушке исполнилось уже тридцать пять лет...

– И мне столько же стукнуло...

– Она давно живёт в городе...

– Я тоже...

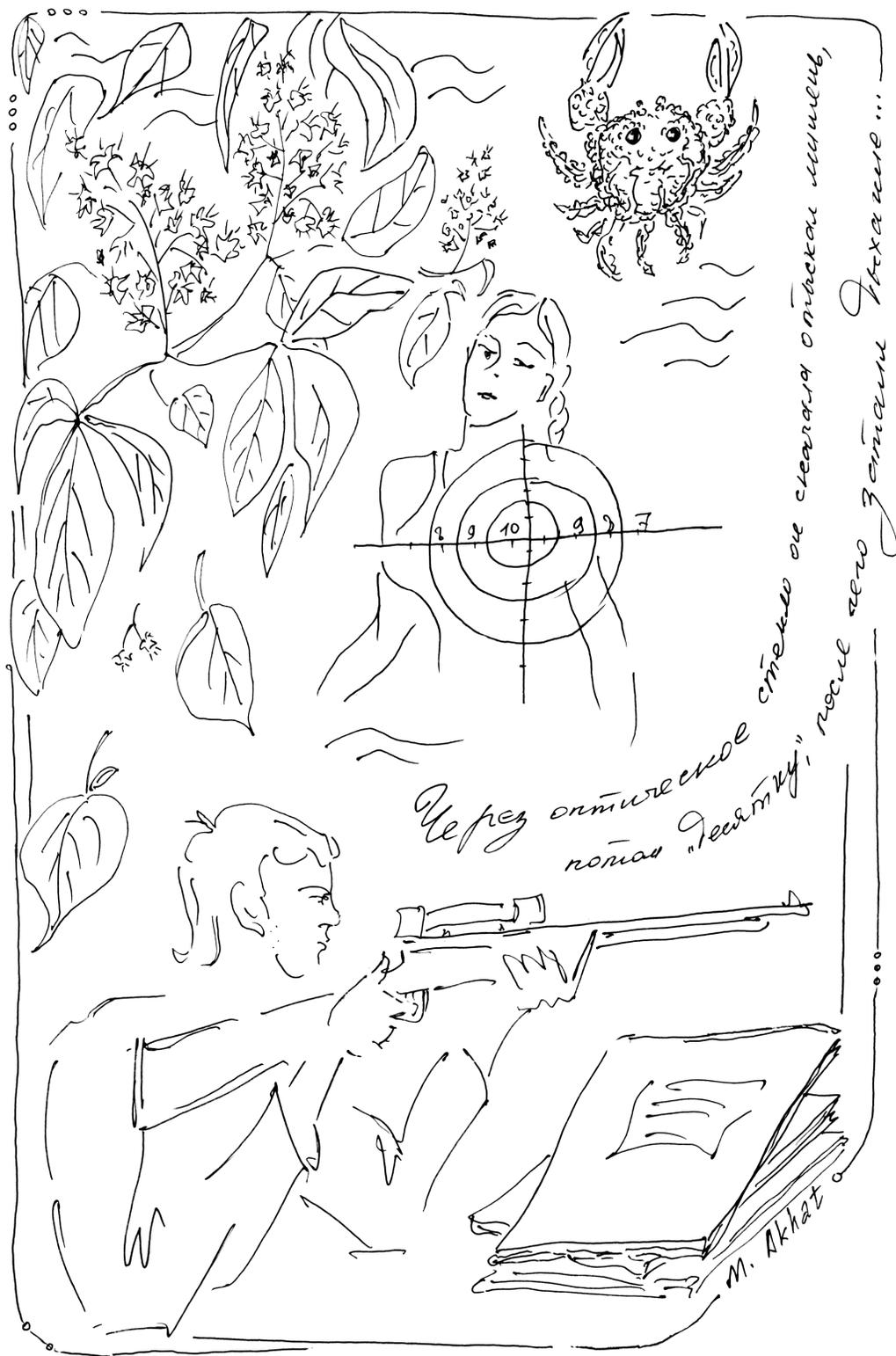
– У неё уже двое детей...

– А у меня один ребёнок...

– Она замужем...

– И я женат...

– А раз так, для чего передавать

привет? Вы всё равно не сможете быть вместе.

– Это значения не имеет. Я хочу продлить её жизнь.

– Каким образом?

– Мой привет продлит ей жизнь.

– А если она не примет твоего привет?

– Значит, сократится моя жизнь.

– И ты не боишься этого?

– Я боюсь, если она не примет моего привет.

Ветер утих. Гумер, испугавшись, как бы невидимый собеседник не исчез совсем, инстинктивно взмахнул рукой, но, оказывается, ветер спрятался за кустом инжира, чтобы основательно обдумать его просьбу. Спустя какое-то время он вновь пощекотал мочки уха своего нового друга:

– Нет, – твёрдо ответил ветер, – я не могу передать привет этой ханум.

– Почему?

– Потому что не в силах преодолеть горы Таврии, меня задержит скала Ай-Петри. А в Татарстане не может быть морских ветров, тамошние обитатели – лесные, степные, полевые...

– Гм-м... Тогда передай мой привет через обычные, простые ветра. Ты же с ними встречаешься в горах Таврии.

– Нет уж, – серьёзно ответил мой морской собеседник, – в таких делах тебе не следует полагаться на нас. В вопросах любви ветер не советчик и не помощник. И вообще, взывать в таком щекотливом деле о помощи – не мужское дело. В любви надо надеяться только на самого себя. Любовь расположена к тем, кто силён духом.

– Эх ты, морской ветрило! И это ты мне?... Я сам себе эти слова сто раз говорил. В любви я не смог стать сильным духом, не смог...

Гумер посмотрел на часы. Пора идти в столовую на кумыс. В этом санатории просто помешаны на режиме, чуть опоздаешь – останешься без кумыса и без обеда, без лекарств и лечебных процедур.

В столовой Гумер выпил превосходного кумыса из молока кобылиц, пасу-

щихся на тучных лугах долины Чатыр-Тау (Шатёр-Горы). Этот напиток бывших кочевников привозили из Чатыр-Тау в санаторий точно к обеду, наверное, потому-то в кумысном зале так остро пахло степными травами, конским духом, влажной землёй... «Напиток предков, – напомнил себе о кумысе Гумер. – Уже в древности знали целительную силу этого нектара степняков».

Кумыс взбодрил кровь, слегка разгорячил тело, и Гумер вышел на улицу в приподнятом настроении. Но действие кумыса прошло так же быстро, как прогорает зажжённая спичка, и через несколько минут кровь в жилах потекла по-прежнему спокойно, и настроение, соответственно, снизилось до уровня обычного.

Конечно же, Гумер не разговаривал ни с какими морскими ветрами, просто сам с собою вёл разговор. Это было способом утешить себя, приговорённого к одиночеству. Гумер действительно ощущал себя страшно одиноким, прошло больше недели, как он приехал в санаторий, но до сих пор ни с кем не познакомился, не подружился, не нашёл человека, перед которым можно было бы раскрыть душу. Он соблюдал строгий режим, лечился, а вот поговорить было не с кем. Правда, ему не очень-то хотелось обнажать перед кем-то свою душу, Гумер предпочитал тишину пустым разговорам. Наверное, по этой причине и просил главврача не подселать к нему в двухкомнатный номер соседа.

И всё-таки...

Всё-таки полное одиночество, этакое отшельничество вовсе не казалось Гумеру таким уж желанным. Думалось, одному хорошо, было о чём поразмыслить, но в то же время глодало чувство, как будто рядом кого-то не хватает. В таком настроении, с какими-то заторможенными мыслями Гумер пошёл к центру Алупки.

В центре города находился небольшой тир, сколоченный из старой фанеры. Гумер всегда обходил стороной такие неказистые стрелковые «залы». Когда-то он довольно хорошо стре-

лял, и вот уже пятнадцать лет не брал в руки никакого оружия. И не тянуло. А тут вдруг переступил порог этого богом забытого тира.

Стрелковые тиры везде одинаковы! И в Алушке заведение представляло собой невзрачную постройку со стендом из сделанных на скорую руку изображений птиц, зверей, ветряной мельницы, висящего на проволочке самолёта, танка и прочих мишеней. На стойке лежали старые пневматические винтовки с потёртыми и болтающимися прикладами. Из таких винтовочек даже олимпийский чемпион по стрельбе не смог бы дважды попасть в цель. В тире царила пустота, кроме, разумеется, старого «подавальщика пульек», дремавшего на расшатанном стуле. Гумер хотел уже выйти, и тут увидел массивную винтовку с оптическим прибором, прислонённую к спинке стула. На одном из собраний ДОСАФы показывали такую винтовку и позволили пострелять из неё. Достойное оружие пробудило азарт стрелка, и он попросил у служащего именно эту винтовку.

Гумер загнал в ствол первую пулю, прижал приклад к плечу, нащупал пальцем курок, опёрся на локоть и замер, готовясь поразить цель. Эти точные и заученные, даже немного артистичные движения, которые мог выполнить только настоящий стрелок, доставили Гумеру истинное удовольствие. Точность, чистота, аккуратность движений пробудили в душе уверенность снайпера и чувство мужского достоинства. Он прильнул глазом к оптическому прицелу, снова пригнал приклад к плечу. В эту минуту Гумер представлял собой единое целое с винтовкой, слился с ней, стал чувствовать её каждой клеточкой своего тела. Через оптическое стекло он сначала отыскал мишень, потом «десятку», после чего затаил дыхание. Как всегда, перед нажатием на курок посчитал про себя заветное, как заклинание: «Раз... два... три... четыре». Указательный палец правой руки приготовился плавно нажать на курок.

В это мгновение старик-служащий вдруг схватил ствол винтовки, отчего

тщательно собранные Гумером в надлежащий порядок цели словно разлетелись в разные стороны.

– Извините, – сказал он, – я забыл предупредить: винтовка при выстреле бьёт немного вниз и влево, учтите это при стрельбе.

Гумер зло выдохнул. Дед остановил его в самую сладкую для настоящего стрелка минуту, словом, испортил весь кайф. Но Гумер понимал, что не следует давать волю раздражению, стрелять без настроения – всё равно что не стрелять, а прикладом истреблять крапиву. И вообще, если мужчина не в настроении, то не должен брать в руки оружие, потому что в таком состоянии никогда не попадёт в «десятку». Опозорит тем самым и винтовку, и мишень, и, конечно, самого себя.

– Спасибо, что вовремя сказали, – заметил Гумер прежде всего для того, чтобы успокоить себя.

И действительно, через минуту к нему вновь вернулось холодное спокойствие снайпера. Он даже обрадовался: «Вместо десяти удовольствий от прицеливания будет одиннадцать». Гумер снова прицелился, на этот раз с учётом дефекта винтовки, затем опять затаил дыхание и вместо счёта произнёс про себя: «Рожь... пшеница... овёс... ячмень». И плавно нажал на курок.

Верно говорил старик! В самом центре «десятки» красовалось аккуратное, размером с копейку, чёрное отверстие. Гумер торжествовал, но старался не демонстрировать свои чувства при угрюмом полусонном старике. Открытая радость или торжество – чувства, не свойственные настоящему стрелку, не уместяющиеся в его мораль. И всё-таки, следя за предельно хладнокровными движениями Гумера, можно было догадаться о его внутреннем состоянии. На этот раз в движениях явно просматривался артистизм...

Перед новым выстрелом Гумер стал считать: «Курица... цыплёнок... утка... гусь». Ого! Опять «десятка»!

«Волга... Кама... Вятка...» – «десятка»!

«Уран... метан... пропан... бутан...»
– «десятка»!

«Яблоко... вишня... черёмуха... рябина...» – «десятка»!

«Десятка», «десятка»...

Настроение Гумера поднялось. Через столько лет и так стрелять! Гумер уже не артистичными, а по-снайперски точными движениями восьмой раз зарядил винтовку, со вкусом прицелился.

«Луна... солнце... цветок... Фалина...»

Что это? Едва он мысленно произнёс последнее слово, как рука дрогнула, и все кружки в оптическом приборе вдруг заплесали. Но курок уже был потоплен, и пуля ударила в мишень.

«Чёрт поberi!»

Гумер положил винтовку на стол и взгляделся в мишень. Но кроме семи чёрных точек, отчётливо видных на белом кружочке «десятки», никакой другой отметины видно не было. «Ну вот, – опечалился Гумер. – Восьмая пуля попала в чёрную черту девятого круга и поэтому отметина не видна». Старик тоже почувствовал волнение Гумера, надел очки, посмотрел на мишень и сказал: «Не беспокойтесь, все пули – в «десятке».

– А вы подойдите ближе, – сказал удручённый Гумер, – одна пуля попала в «девятку».

Старик кряхтя сполз со стула, подошёл к мишени, присмотрелся и глухим голосом произнёс:

– Да, одна – в «девятке».

В голове Гумера пронеслось: «Фалина, милая, зачем же ты так?»

Однако у него ещё оставались два выстрела. И оба в конце концов попали в «десятку». Старик принёс Гумеру мишень. Пуля «Фалины» пробила чёрное кольцо «девятки», сделав аккуратное треугольное отверстие. Да, при имени Фалины жгало сердце Гумера, рука невольно дрогнула. И вот – результат.

Гумер поцокал языком, словно сожалел о неудачном выстреле. И в этот момент за его спиной раздался голос:

– Хорошо стреляешь, Гумер! Из ста процентов – девяносто девять.

Гумер удивлённо обернулся. В две-

рях тира с сигаретой в руке стоял его знакомый Юрий. С этим душевным, открытым якутским парнем он познакомился дня три назад в главном корпусе санатория, когда они ждали своей очереди к врачу. Юра привёз в Крым жену и трёхлетнюю дочку. Они сняли домик по соседству с корпусом, где жил Гумер, и в санаторий приходили только для того, чтобы принимать процедуры и показываться врачу. Юра, узнав, что Гумер приехал из Казани, обрадовался, будто увидел земляка, и рассказал, что в Якутии живёт много славных татарских джигитов. Они разговорились, и Гумера даже позвали в гости, но он принял приглашение за жест вежливости, и не посчитал нужным нарушать уединение отдыхавшей семьи.

Новый знакомый, оказывается, давно наблюдал за стрельбой Гумера.

– Хорошо стреляешь, – повторил он.

– Да нет, это я так... от нечего делать.

– Не набивай себе цену. – Юрий погрозил пальцем, потом взял в руки оптическую винтовку и добавил: – Я думал, что из этой винтовки в Алушке стреляют только я да моя жена Лариса. Оказывается, есть ещё третий... Прекрасно, откроем соревнование.

– Не... – возразил Гумер. – Я зашёл сюда так просто... нервы успокоить. Я вообще не стрелок, не снайпер, не спортсмен и не охотник.

– Если не считать восьмой пули, то классный стрелок.

«Пуля Фалины», – напомнил себе Гумер.

А Юра уже купил у старика десять пулек и мишень, снял верхнюю одежду и приготовился стрелять.

– Восьмая пуля – психологическая, – продолжил он, заряжая винтовку. – Одна психологическая пуля из десяти – это не много. У меня, например, обычно бывают две такие психологические пули из десяти, иногда – даже три.

«Что это? Значит, у него три несчастных любви», – забавлялся своими мыслями Гумер.

– Не беспокойся, – продолжал Юрий,

прилаживая винтовку к плечу. – У каждого стрелка есть свои психологические пули, даже у мастеров международного класса. Мужчину вообще может вывести из равновесия любая мелочь. Скажем, начал нажимать на курок и вдруг вспомнил, что у тебя сигареты кончились, или припомнил, как тебя жена когда-то обругала. Даже вид этого сонного старика, смотрителя тира, может выбить из колеи.

Гумер и не заметил, как сказал:

– Причина психологии моей восьмой пули куда более глубокая.

Сказал и тут же пожалел: зачем так откровенничать перед человеком, которого видит второй раз в жизни?

Юра попал в «десятку», но пуля вонзилась в левый край кружка.

– Что за причина? – спросил Юра. – Или мировые проблемы решаешь?

– Да, – ответил Гумер, не понимая, зачем он это говорит, и потому ещё более смущаясь. Пока знакомец готовился ко второму выстрелу, он всё-таки обдумал свой ответ и нашёл его правильным, потому что вопрос любви – это проблема общая для всех народов мира.

Третья пуля якута попала в «девятку», остальные – в «десятку».

– Настроение хреновое, – пожаловался Юрий, когда они вышли из тира на улицу, – жена послала за мясом, а в магазине мяса нет.

– Нашёл причину для беспокойства, – хмыкнул Гумер.

– Конечно, по сравнению с твоей мировой проблемой, моя проблема – так, пустячок. Но ведь надо накормить жену, дочку, да и себя не забыть. В этом вопросе я не романтик, а практик.

Юра посмотрел на Гумера, прищулив свои и без того узкие глаза, в чёрных его зрачках заискрилось живое озорство. Он взглянул на часы и сказал:

– Слушай. Как практичный человек, я тебе вот что посоветую. Мясо-то всё равно добуду, а ты приходи к нам. Посидим поговорим, мы ведь ещё толком и не познакомились. Смотри, приглашаю тебя во второй раз, не обижай отказом.

На этот раз Гумер посчитал, что неудобно отказываться от приглашения, и они договорились встретиться вечером, в семь часов вечера.

* * *

Три корпуса санатория расположились почти на краю горного ущелья, утопающего в зарослях южных растений и вечнозелёных деревьев. Эту живописную местность многие называли маленькой Швейцарией. Схожесть лишь усиливалась от вида скалы Ай-Петри и нагромождённых возле санаторных корпусов огромных камней, валунов, глыб, а дальше – высоких и голых скал. Каменную живопись украшали низкорослые и кривые крымские сосны.

В очередной раз полюбовавшись дикой красотой, какую создала искусница-природа, Гумер пересёк улицу и в самом лучшем расположении духа отправился к Юрию.

Его новый крымский знакомый сушил крабы во дворе дома. Крабы были разложены на огромном валуне, нагретом от жарких лучей солнца. Юра выбрал экземпляр покрупнее и протянул Гумеру:

– На, держи этого красавца. Высушишь и повезёшь в Казань, в подарок своему сыну. Превосходный образец черноморского краба, я его недалеко от пляжа выловил.

Этот экземпляр был действительно великолепен. Наполовину высушенный, он тем не менее выглядел весьма грозно. Кривые клешни отточенными серпами тянулись вперёд, грузное тело покрывала иссиня-чёрная и крепкая броня, из амбразуры которой свирепо смотрели два выпуклых глаза. Краб походил на неумолимый танк, готовый всё преодолеть на пути к вражескому брустверу. Как ни странно, но лицезрение бронированной особи значительно улучшило настроение Гумера. Юрий тут же заметил это и довольно сощурился. Перевернув крабов брюшками вверх под палящие лучи солнца, он крикнул жене через открытое окно:

– Лариса, накрывай стол, дорогой гость пришёл.

Потом он повернулся к Гумеру и торжественно объявил:

– Сейчас сухое вино пить будем.

За столом они познакомились поближе. Новый приятель оказался геологом-золотоискателем, девять месяцев в году он проводил в полевых условиях, а потом три месяца подряд отдыхал. Гумер увлечённо слушал о трудных буднях золотоискателей, о необычайных происшествиях и любимой Юрием охоте. Видно было невооружённым глазом, что приятель влюблён в свою работу и получал от неё огромное удовольствие. Поэтому, наверное, он и считал главным и первейшим фактором в своей жизни труд геолога. На втором месте в его жизни стояли, соответственно, жена, дети, квартира, ковры и прочие вещи.

Что касается Гумера, то он, к сожалению, не мог похвастаться своей работой, хотя выбрал профессию в осознанном возрасте. Гумер поступил в институт гораздо позже своих сверстников и, кажется, вообще с опозданием появился на этот свет, с задержкой рос, формировался, развивался... В трудные послевоенные годы его отвели в первый класс, когда сверстники уже перешагнули в третий, а в шестом пришлось задержаться на второй год из-за проклятой желтухи, которую он «подцепил» осенью. Ослабленный организм не смог противостоять и чесотке, притаившейся в теле мальчика ещё с военных лет. Всё тело покрывалось красными шелушащимися болячками, и чтобы справиться со сложным рецидивом, врачам потребовалось восемь месяцев.

Гумер окончил школу уже в двадцатилетнем возрасте. А перед поступлением в институт принято было поработать на производстве года два-три. Во всяком случае такая инициатива активно приветствовалась и пропагандировалась. Большинство однокашников Гумера не поддались патриотическому почину, плевать им было на трудовую школу, поэтому они и поступили после десятилетки в институты. А Гумер слыл

юношей сознательным и после школы остался в родном колхозе: валил лес, работал грузчиком, помощником комбайнера. Везде он ходил в передовиках, пользовался уважением начальства и односельчан. Организовал в колхозе кружок художественной самодеятельности, и с таким рвением отдался этому делу, что вскоре занял со своим коллективом первое место на районном смотре художественной самодеятельности. Руководство колхоза назначило способного парня заведующим сельской библиотекой, а молодёжь избрала его секретарём комсомольской организации и председателем ДОСААФ колхоза. Но Гумера не волновали поощрения и знаки внимания, он по-прежнему мечтал о дальнейшей учёбе. Через три года всё же поехал в Казань, поступил в институт, закончил его, да так и остался в столице. К тому времени Гумер уже подошёл к 30-ти годам, и большинство его приятелей обзавелись семьями, а после института принялись энергично делать себе карьеру. Они пробивались в жизни, зубами выгрызали себе квартиры, дачи, льготы...

Впрочем, с женой Гумер не заздал, напротив, он связал себя узами Гименея уже на втором курсе, и вовсе не потому, что безумно любил свою избранницу. Нет. Он женился из-за Фалины.

Фалина... Девятый класс они оканчивали вместе. Их накрыла такая сильная любовь, что, казалось, они и появились на этот свет только для того, чтобы сделать друг друга счастливыми. Любовь вспыхнула, как порох...

Впервые Гумер увидел Фалину в восьмом классе. Её семья долгие годы провела на чужбине, и вот решила вернуться в родное село. Продажа дома в одном из райцентров Башкирии затянулась на месяцы, и родители решили отправить Фалину в деревню к родственнице, чтобы дочь вовремя пошла в восьмой класс. Надо сказать, что тётка, живущая в своём доме одна, сдавала комнаты девушкам из соседних сёл, где были только начальные или семилет-

ние школы. Так что подружками Фалины стали две девочки из соседнего аула, и им предстояло учиться вместе. В классе Фалина встретила и с Гумером. По правде говоря, сначала он почти не замечал девочку, подумаешь, приехала из Башкирии какая-то пигалица и пришла в их класс.

Став постарше, Гумер стал отличаться способностью постоять за правду, пойти, не раздумывая, на конфликт за правое дело со сверстниками, учителями и даже директором. Он не умел лгать, говорил всё прямо в глаза, без намёков и экивоков. Когда размеренный учебно-воспитательный процесс или строгий режим школы вдруг неожиданно ломались, все знали – это очередные выступления неугомонного Гумера. Правдоискательство Гумера было не по нраву педагогам, тем не менее многое ему сходило с рук, ибо во время общественных мероприятий и праздников он был незаменим. Никто, кроме него, не мог так проникновенно читать стихи и столь искромётно вести концерт. Серьёзные стихи он читал так, что мог выдавить слезу даже у жестокосердного человека, а шуточные вирши декламировал под дружный хохот слушателей. Гумер умел оживить заведомо скучный концерт, но и после праздничных выступлений продолжал «оживлять» однообразную школьную жизнь, приводя учителей в негодование. Не проходило и недели, чтобы его не вызывал на ковёр директор школы, и остальные педагоги не знали, как образумить сорванца. Но во второй половине учебного года Гумер стал меняться – всё чаще становился рассеянным, уходил в себя. Бесстрашный сорвиголова превращался в мечтательного, грустного юношу.

А причиной такой метаморфозы стала эта «пигалица» Фалина. Незаметно для себя он влюбился в девушку, но эти чувства натолкнулись на ханжеские нормы школьной нравственности. Дело в том, что дружба, а тем более нежные чувства между мальчиками и девочками в школе считались не просто признаком вопиющей распущенности и нарушени-

ем школьного режима, они безапелляционно объявлялись нравственным преступлением, настоящим позором. Вот в таких условиях угораздило Гумера влюбиться в Фалину. Но он не сразу понял, что это странное слияние нежности, томления и тоски, переполнявшее его душу, называется любовью. Гумер стал считать Фалину «своей», только относился к девушке не как к личной вещи, которую мог небрежно испортить, а трепетно, боясь прикоснуться к ней или обидеть словом. Он готов был порвать на лоскуты каждого, кто обидит или хотя бы попытается обидеть Фалину.

Дом, где Фалина жила с другими квартирантами, находился на расстоянии десяти-пятнадцати дворов от жилища Гумера. На правах одноклассника Гумер иногда навещался к девушкам, и вскоре они даже подружились. Однако Гумер предпочитал проводить время с парнями, а не с тремя девочками. И однажды зимой десятиклассник, пользующийся в школе авторитетом, попросил Гумера познакомить его с Фалиной, и не просто познакомиться. План был таков: по пути домой задержать Фалину, отделить её от подружек и оставить девушку наедине с поклонником. Выполнить такое задание от лидера старшеклассников считалось почётным делом, и для Гумера, хорошо знавшего девушек, оно большого труда не составляло. Его одноклассницы были очень пугливы, но Гумеру доверяли, и он мог передать «старшему товарищу» любую из трёх подружек. Тогда зимой в нём ещё не вспыхнули искорки будущих горячих чувств к Фалине, и на уговоры авторитета он поддался легко.

Дорога из сельского клуба, откуда они шли после танцев, пролегла через пустырь, где из-под земли били родники. Они продвигались гуськом по узкой, плотно утрамбованной дорожке к баням, где по уговору Гумер должен был задержать Фалину и прогнать её подружек. Школьный «авторитет» хотел во что бы то ни стало уединиться с девушкой.

Возле бань, Гумер недолго думая, крепко ухватил Фалину за локоть и оттащил её от подружек, которые почему-то лишь приснули со смеху.

– Чего смеётесь? Марш домой! – грубо приказал он им, и девчонки испуганно упорхнули.

Фалина стояла растерянная, ничего не понимая.

– Что с тобой, Гумер? Что ты делаешь? Отпусти руку, больно.

Гумер то и дело оглядывался, поджидая десятиклассника. «Чего он там телится? – раздражённо думал он. – Что я тут буду делать с этой пигалицей?»

Догадавшись по его взглядам, что Гумер ждёт кого-то, Фалина взмолилась:

– Пожалуйста, Гумерчик, миленький, не позорь меня!

И сквозь неверный, скупой свет луны Гумер увидел полные мольбы огромные глаза девушки. Господи, как она на него смотрела... как ласково и тепло называла его «миленький»... Гумеру стало стыдно, он как-то сразу обмяк под молящим взглядом перепуганной девчушки, но ему не хотелось нарушать слово, данное старшему товарищу.

– Подожди, не дёргайся и не шуми, – как можно мягче сказал он, уже заметив на тропе приближающийся к ним тёмный силуэт. Фалина тоже увидела его и снова взмолилась:

– Гумерчик, будь другом, отпусти меня, я побегу домой, перед тётей нехорошо, стыдно, подружки уже дома, а меня до сих пор нет.

Фу ты! И с чего это Гумер вдруг так раскис? Каждое слово Фалины больно отдавалось в сердце. Но слово нужно держать, ведь он мужчина, у которого слово – кремень.

Наконец подоспел школьный авторитет, ухватил Фалину за другой локоть, цыкнул на Гумера: «А теперь проваливай отсюда!» И стал лапата испуганную девчонку. Та отбивалась, сопротивлялась, как могла:

– Прекрати! Что ты делаешь? Завтра же скажу директору!

Горе-ловелас пыхтел, безуспешно

пытаясь прижать к себе сопротивляющуюся жертву. «Ба! Что это Гумер стоит здесь? Чего он тут забыл? Его дело сделано, он здесь уже не нужен!»

Гумер засунул руки в карманы пальто и пошёл по улице неспешной, важной походкой «настоящего мужчины». «Ну и что? Подумаешь, она его пару раз «миленьким» да «Гумерчиком» назвала. Ну, посмотрела на него жалостливо, так ведь понятно, что струхнула. Чепуха всё это!» – силился успокоить себя Гумер и прогонял из цепкой памяти образ Фалины с её молящими, широко распахнутыми глазами. Ему вдруг стало стыдно за собственные мысли, казалось, что настоящему мужчине зазорно всерьёз задумываться о каких-то девчонках...

Вполне вероятно, что первые искры большого чувства зародились в душе Гумера там, возле чёрных бань, замёрзших родников и перекрёстке сельских дорожек. Да, наверное, так оно и было! Значит, в девятом классе они с Фалиной уже самозабвенно любили, не могли жить друг без друга, а их любовь росла и хорошела с каждым днём и каждым часом! А потом? Разве потом Фалина не следовала за Гумером всюду – в Казани, Москве, Ленинграде, Средней Азии? Разве не лежала она между Гумером и его женой, согревая и заполняя холодную пустоту их взаимоотношений? Наконец, разве она, грубо схваченная и отданная двадцать лет назад какому-то недоноску, не прилетела вслед за Гумером в благословенный тёплый Крым?

Ёлки-палки, к чему эти вопросы? Зачем вновь бередить старые сердечные раны? И Гумер, стараясь отвлечь себя от мрачных мыслей, от всеобъемлющей тоски, налегал на сухое вино и весело болтал со своим новым приятелем – таким душевным, жизнерадостным и в то же время таким практичным якутским джигитом. Юра очень скоро отставил в сторону сухое вино и с удовольствием перешёл на крымский коньяк. Гумер продолжал тянуть болгарский «Старый замок», пока Юрий самозабвенно рассказывал о любимой Якутии, о высоко-

оплачиваемой, но очень трудной и необыкновенно интересной работе геолога. Гумер пил немного и больше слушал, чем говорил. Вскоре разговор зашёл о литературе и писателях, потому как и Юра оказался любителем книг. Но он жаловался, что в Якутии трудно найти серьёзную литературу, да и те книги, которые всё-таки оказывались на прилавках магазинов, быстро распродавались.

– В Казани тоже не просто найти хорошие книги, – заметил Гумер, – но всё-таки легче, чем у вас в Якутии.

– Слушай, ты же знаешь, я человек практичный, – перебил его Юра. – Давай договоримся: ты мне из Казани пришлешь хороших книг, а я тебе отправлю медвежью шкуру.

– К чему такой широкий жест? – возразил Гумер. – Медвежья шкура теперь вещь довольно редкая и очень дорогая. А книги я тебе и так пошлю.

– Знаю, знаю! – Юра хитро прищурил глаза. – Вся интеллигенция страны мечтает о медвежьей шкуре на стене или на полу своей городской квартиры. Лариса, как там медвежья шкура, которую мы оставили в зимнем охотничьем домике на берегу Ильмени?

– Да ты что? – укоризненно посмотрела на мужа Лариса. – Эта шкура даже не обработана.

– Ничего-то ты не понимаешь! – хохорился Юрий. – Для таких людей (он ткнул пальцем в Гумера) эта шкура всё равно, что золотое руно для аргонавтов. Гумер, возьми ручку и запиши, какие книги мне нужны. Во-первых, любые произведения Хемингуэя, Ремарка, Поля Сартра...

Гумер записывал и думал: «Действительно, у них интересы, как это ни странно, не такие меркантильные, как у нас, для которых верхом шика и в самом деле считается обладание роскошной медвежьей шкурой».

Уже темнело, Гумеру надо было возвращаться. Приятель вышел его провожать. Стоял тёплый крымский вечер. Друзья дошли до раскидистого инжира, росшего на краю дорожки где-то на полпути между домом Юрия и восьмым

санаторным корпусом, где жил Гумер. Гумеру пришёлся по душе этот якутский мужик – открытый и искренний. Он даже завидовал ему, чувствуя себя по сравнению с ним каким-то ущербным, что ли, мягкотелым...

– А почему ты не рассказываешь о жене, детях? – спросил вдруг Юра. – Сколько мы с тобой сидели, болтали, а ты ни слова о своей семье. Почему?

– Да не любят они меня, – отмахнулся Гумер.

– Не говори чепухи! – возразил Юра. – Может, ты не умеешь или не хочешь вызвать чувство любви к себе? Может, денег в семью мало приносишь?

– Бывало, что и помногу приносил.

– Мало уделяешь им внимания? Подарки, гостинцы принести не забываешь?

– Приношу и подарки, и гостинцы, из каждой поездки привожу что-нибудь интересное. Себе обычно ничего не покупаю, а им обязательно. Сын радуется, а вот жена почему-то не умеет радоваться подаркам.

– Не пойму, – мотнул головой Юра, – как это можно не радоваться подаркам? Моя жена, к примеру, может зацеловать меня до потери пульса за какой-нибудь простенький платок.

– Хочешь, я проведу эксперимент? – предложил Гумер. – Скоро октябрьские праздники. Перед праздником один сосед по корпусу, тоже казанец, уезжает домой. Я попрошу его взять крымские гостинцы для моей семьи. Кроме того, пошлю им поздравительную телеграмму. Вот увидишь: они и ответной телеграммы не пошлют, а письмо с выражением дежурной благодарности напишут не быстрее, чем через неделю.

– Не может быть! – удивился Юрий. – Они напишут тебе письмо сразу же, они обязаны это сделать. Хотя бы сын напишет.

– Сын мой вообще не любит писать. Я уже две недели в санатории, а он ни одного письма не черкнул. Ему я через каждые три дня какой-нибудь гостинец отправляю. Во всяком случае, мать могла бы уговорить или даже заставить его

написать мне письмецо. Вот ведь в чём дело. Впрочем, я уже как-то привык...

– Тогда почему ты всегда такой подавленный?

– Думаю о другом человеке. И ещё... тяжело мне после недавней смерти мамы.

– Что ты за человек?! – в сердцах воскликнул Юра. – Иногда тебя и мужчиной назвать трудно, становишься похожим на какого-то, извини, слюнтяя, тряпку. Нет, в целом ты, конечно, неплохой мужик. Душа у тебя правильная, чистая, кажется, даже чище, чем у меня, но есть в твоём характере некоторые черты, не свойственные настоящему мужчине. Не знаю, какое-то занудство, что ли... ну-ка, скажи прямо: у тебя есть любовница?

– До женитьбы не было, а после... озорничал малость.

– Говори яснее: что значит «озорничал»?

– Ничего серьёзного, были женщины, которых шутя обнимал и целовал...

– Слушай, – решительно мотнул головой Юра, – тебе нужна классная любовница. Нет, не такая, из-за которой бросают семью, а которая выбьет из тебя хандру. И учти, что немного пикантной информации можно слить и жене, потому что чувство лёгкой ревности в некоторых случаях оказывает на жён положительное действие. А то супруга превращается в бесчувственное дерево. Надо плеснуть бензинчика и чиркнуть спичкой ревности. Женщина в гневе лишь хорошеет.

– Меня как-то не интересует, будет она хорошесть или нет.

– Тьфу на тебя! Что делать с твоей хандрой? Тоска в тебе сидит, хандра тысячекратная!

* * *

Гумер после окончания института культуры работал в одной из библиотек Казани. Работой своей был недоволен, выбор института и профессии оказался ошибочным. Нет, он с удовольствием окунался в мир книг и знаний, открыл для себя историю развития челове-

ства с древнейших времён. Но в то же время осознал, что скромная работа библиотекаря не соответствует его глобальным запросам, не открывает перед ним тех возможностей и горизонтов, о которых он мечтал. Ещё в школьные годы Гумер тайком от всех начал вести нечто вроде дневника, немалое место в котором занимали философские рассуждения. С годами этих записей становилось всё больше, ширилась их тематика. На каждой тетради красовался порядковый номер, стопка получалась внушительная. Иногда он листал старые дневники, перечитывал и как-то поновому глядел на события дней давно минувших, подмечая в то же время, как с годами совершенствовался его литературный стиль, становились глубокими по смыслу заметки. Через тетради красной нитью проходило имя Фалины, вернее, тетради были записаны в форме бесед с ней.

Гумер, с одной стороны, беспокоился за свои тетради, а с другой стороны, – стыдился их. Может, эти записи выеденного яйца не стоят? Поэтому Гумер и опасался показывать дневники кому-либо, берёг их как зеницу ока, как свою заветную тайну, которую можно читать и перечитывать лишь ему одному. Возможно, частые размышления в одиночестве и способствовали появлению в характере Гумера, как выразился Юра, «тысячекратной хандры»?

Вчерашняя беседа с якутским приятелем оказала странное воздействие на Гумера. Беззаветная преданность своей профессии, живые, образные, вдохновенные рассказы о геологах взволновали Гумера. Конечно, его тронуло не само геологоразведочное дело, а скорее всего преданность и полная отдача приятеля любимой работе. Гумеру тоже захотелось всей душой прикипеть к какому-нибудь интересному делу, посвятить ему всю жизнь без остатка, почувствовать свою нужность в этой области. И вскоре какое-то внутреннее чутьё, интуиция, что ли, подсказали ему, что такое дело жизни, может быть, заключено в его заветных тетрадах.

Однако в таком случае эти записи придётся «рассекретить» и отдать на суд читателям. Но как это сделать? Каким образом, когда, где? За этими главными вопросами стоял ещё целый частокोल вопросов, хищно изогнутых наподобие стальных крюков, которые стояли на страже его тайны. Но вот теперь, во время дружественных бесед с Юрием, Гумер почувствовал, как поддалась и покачнулась стена стальных крюков, и там появился просвет.

«Что, если дать почитать мои тетради Юре?» – подумал он.

И забрезжила надежда. Порыв не проходил, тогда Гумер взял да и рассказал приятелю о своих многолетних тайных записях. Конечно, пришлось рассказать о Фалине, имя которой пронизывало все тетради, и без которой, собственно, не могло быть этих дневников...

В палате он не стал зажигать свет, хотя жил один и никому не мог помешать. Быстро разделся и лёг. Он начал успокаиваться, суэта застолья отдалялась от него, Гумер вскоре привычно остался наедине с Фалиной...

Что же случилось после того, как возле чёрных бань он задержал и передал Фалину тому самоуверенному десятикласснику? И вот ведь что случилось после! На следующий день по школе поползли грязные слухи: «Вчера Гумер держал Фалину около чёрных бань на пустыре!.. Хи-хи!.. Оказывается, Гумер влюблён в Фалину!»

Гумеру стало стыдно. Он ещё не знал всего значения слова «влюбился», ему было совестно даже слышать это «позорное», по его мнению, слово. Да, подростки тогда считали влюбленность чем-то постыдным, чуть ли не срамом, они предпочитали открыто третировать и презирать девчонок и видели в этом своего рода признак мужественности. Если какой-то парнишка влюбится, он обязательно будет стыдиться этого непривычного, нового чувства, сделает всё, чтобы о нём не узнали другие. А тут Гумера без всякой причины, совершенно несправедливо объявили влюб-

ленным! Он рвал и метал, и не на шутку сердился на Фалину, считая её виновной в распространении порочающих слухов. Что делать? Может, всё-таки обойдётся как-нибудь?

Не обошлось. Сначала его осрамила классная руководительница – сердитая, грубая деревенская баба, не имевшая не малейшего понятия о педагогическом такте.

– Может, ты жениться надумал, а?! – кричала она. – Приспичило, небось? Мы стараемся, чтобы твоя энергия на учёбу, на благое дело пошла. А ты свою энергию на девчонок расходуешь!

Девчонки, естественно, хихикали, ребята, поняв, что дело принимает серьёзный оборот, опустили головы и засопели носами.

Гумер не встал перед учительницей, а напротив, обхватив ладонями голову, уткнулся в стол. А на первой парте сидела, не шелохнувшись, чуть не плача, вся красная от стыда Фалина. «Классная дама» тем временем разошлась ещё больше:

– Ага! Стыдно тебе? Надо было там, возле бань, стыдиться, когда к Фалине лез!

И тут Гумер подумал: «Может рассказать всю правду, что было на самом деле? Рассказать – и всё тут! Только беспардонная грубость и учительницы настолько уязвили Гумера, что злость на Фалину почти улетучилась.

– Мы этот вопиющий проступок не можем оставить безнаказанным, – распалаясь «классная дама». – Фалина, завтра же принесёшь собственноручно написанное объяснение случившегося, а мы обсудим происшествие на педсовете.

Фалина растерялась, съёжилась и тихо произнесла:

– Я ни в чём не виновата.

И Гумеру вдруг стало ясно, что слухи распространили подружки Фалины, те самые квартирантки, которых поселила у себя её тётя. По пути из школы домой Гумер подкараулил любопытных сплетниц и пригрозил:

– Если не укоротите свои подлые

языки, убью обеих, подкараулю в лесопосадке, когда в своё село пойдёте, и зарежу косой!

Перепуганные девицы поклялись, что будут немее рыб.

Фалина объяснительной так и не написала. Её вызвали к директору школы, но девушка стояла на своём: «Я ни в чём не виновата».

С того дня они защищали и выгораживали друг друга, хотя делали это, скорее всего, неосознанно, интуитивно. И всё же пылкие чувства к Фалине зажгли в душе Гумера в результате именно того инцидента. Случай этот в школе вскоре благополучно забыли, но с тех пор Гумер стал ощущать необычную притягательность Фалины. Осторожно, стараясь не выдавать себя, он на уроках искал глазами профиль девушки, ловил её взгляды, ощущая в душе смутное томление. Он вовсе не боялся новой волны осуждений, но в нём пробудилась застенчивость, юношеская стыдливость перед непонятным ещё чувством.

Один из дней окончательно перевернул душу Гумера. За окном бесновалась метель, а в классе было тепло и тихо. На переменах Гумер не бегал по коридорам, а читал очередную книжку: он уже тогда пристрастился к чтению. Однажды, подняв голову, он вдруг заметил, что Фалина, облокотившись о подоконник, пристально смотрит на него. Щёки её порозовели, а глаза, не отрываясь, разглядывали Гумера. Их взгляды встретились, и сердце Гумера ёкнуло и сладко забило. Они смотрели друг на друга, и Гумер ласкал глазами волосы и лицо Фалины, дотрагивался до её губ, щёк, ресниц, бровей, и чувствовал ответные прикосновения девушки... Это было молчаливым объяснением, наивысшей формой объяснения в любви, великим, божественным проявлением чувства между мужчиной и женщиной.

Каждый день эти переглядывания повторялись, они становились всё настойчивее и жарче. У таких красноречивых взглядов было одно бесспорное преимущество – из-за них не вызывали

к директору, не оскорбляли, не распространяли гадкие слухи, не требовали письменных объяснений. Но любовь требовала значительно большего, чем молчаливые, хотя и страстные, поединки их глаз. Влюблённым так хотелось остаться наедине, дотронуться друг до друга, произнести заветные нежные слова... Но в классе, да и на людях такие встречи были невозможны.

Так в безмолвных созерцаниях прошла зима, началась весна, а следом наступил солнечный май. Гумер набрался смелости и стал по вечерам караулить Фалину возле её дома. Долго подстергать не пришлось, в один из вечеров девушка вышла из ворот дома и направилась в сторону школы. Она пересекла улицу, свернула на тропинку, которая шла через пустырь с родниками, мимо тех самых чёрных бань. Впрочем, это место было пустынным лишь зимой, а с весны превращалось в живописнейший уголок природы. Где-то за банями Гумер нагнал Фалину. Она испуганно обернулась.

– Фалина, – выдавил из себя Гумер.

– А, это ты, Гумер... – Узнав его, она вроде успокоилась, но, чуть помедлив, сказала твёрдо: – Не надо, Гумер, нам нельзя встречаться наедине, мы ещё молоды, надо закончить школу. Я боюсь людской молвы. Если учителя узнают, житья нам не дадут, ославят на всю деревню, уйди, не позорь меня и себя. И так мы однажды чуть не осрамылись ни за что ни про что. Не ходи за мной следом. Нам ещё рано... И не смотри так на меня в школе, мне ведь и так нелегко...

И Фалина пошла дальше, а Гумер остался, неподвижный, как истукан. Он готов был провалиться сквозь землю. Найти бы какую-нибудь трещину, кратер в земле и провалиться глубоко-глубоко, подальше от всех этих людей... Зачем они нужны Гумеру? Почему бы на земле не остаться лишь им вдвоём с Фалиной? Вот было бы здорово! Всегда и везде только вдвоём! В лесах – никого, в домах – пусто, в школах, клубе шаром покати! Только коровы мычат в сараях да петухи на заборах кричат. Тихо жур-

чат родники, в домах сами собой наполняются водой казаны, выпекаются хлеба, тикают на стенах ходики. Фалина с Гумером идут по сельской улице, тесно прижавшись друг к другу, и никого не боятся, потому что нет больше никого, некому злословить в адрес влюблённых, придумывать о них грязные небылицы, отчитывать и тащить на ненавистный педсовет... Говорят, что любовь – самое чистое, святое чувство. Это так. Однако в этом чувстве заложено и немало эгоизма, иначе не приходили бы в голову Гумера подобные мысли.

С того дня он стал ещё более замкнутым. Теперь он даже в концертах не участвовал, только читал – и днём, и ночью. В школьной и сельской библиотеке про Гумера говорили: «Парнишка книги не читает, а просто поедом ест. Он накидывается на книги, как саранча на посевы».

Фалина и прежде не была открытой, а нынче и подавно сделалась тихоней из тихонь. Стало известно, что отец её тяжело заболел, не мог передвигаться самостоятельно, поэтому решено было отложить возвращение родителей в деревню до выздоровления главы семейства. С окончанием учебного года Фалина должна была на всё лето вернуться в Башкирию. «Неприятная новость», – мрачно подумал Гумер. А вскоре и учебный год закончился, приблизив отъезд Фалины, тогда он решил во что бы то ни стало встретиться с девушкой и поговорить с ней по душам. Подружки-квартирантки уже воротились в своё село, значит, с Фалиной можно было встретиться без свидетелей. В тот вечер она смотрела в клубе кино, а Гумер караулил её. Когда зрители стали покидать клуб, он бросился к дому девушки. Света там не было, тётка Фалины ложилась спать рано, и Гумер беспрепятственно перелез через забор во двор и спрятался за поленницей. Луна освещала всё вокруг почти как днём. За поленницей находилась каменная клеть древней, чуть ли не ханской кладки, за которой тянулось небольшое картофельное поле. Между клетью и участком с посадками зелене-

ла лужайка, защищённая от любопытных взглядов. Туда и хотел Гумер позвать свою Фалину для решительного, как он думал, randevu.

Вскоре послышались голоса возвращающихся из клуба людей. Девчата, как обычно, хихикали и жеманились, парни громко гоготали, кто-то из них пробовал затянуть песню, на соседней улице слышались звуки гармоны. Гумер различил лёгкие шаги Фалины, приведшие девушку к калитке, он узнал бы эти шаги из тысячи других. Ах, быстрее бы Фалина скользнула во двор, неровён час, идущий из кино народ увидит их вместе, и начнутся новые сплетни, кривотолки, ухмылки... тогда Фалина никогда не простит его.

Едва калитка закрылась за девушкой, Гумер выскочил из своего укрытия и придержал щеколду на веранде, куда она уже хотела войти.

– Не бойся, Фалина, это я, давай спрячемся, пусть люди пройдут.

И он потянул её за поленницу. И вовремя – очередная группа молодёжи прогулялась мимо, а они прятались за сложными с бьющимися в тревоге сердцами.

«Ах ты, моя милая юность, – думал впоследствии Гумер об этих минутах. – Моё робкое, трепещущее сердце... Глухой, дрожащий, несчастный котёнок».

Молодёжь прошла. И Гумер позвал Фалину на укромную лужайку. Девушка послушно отправилась за ним. Около поленниц дров их могли заметить, а на лужайке они могли укрыться от всех, и Фалина это знала. Луна по-прежнему сияла на небе, трава отливала чистым серебром. Гумер и Фалина стояли на серебряной лужайке и смотрели друг другу в глаза. Потом Фалина перевела дыхание и обречённо пробормотала:

– Всё. Я больше не могу!

Она прильнула к груди Гумера, и он обнял её за талию, прижал к себе крепко-крепко... Завертелись в небе луна и звёзды, засверкали булатные наконечники длинных копий-теней, а неказистая, вросшая в землю клеть превратилась вдруг в сказочный ханский дворец.

В эти упоительные мгновения Гумер успел тысячу... нет, миллион раз подумать о том, что жить на этом свете, оказывается, очень даже расчудесно, и что это восхитительное тело, и заключённая в нём трогательная, нежная душа Фалины отныне олицетворяют для него вечность блаженного бытия...

«Ах ты, моя юность, – думал позднее Гумер об этих сладостных минутах, – ах ты мой отчаянный герой львиное сердце!»

Они обнимались долго-долго, пока у обоих не перехватило дыхание, а по телу не стали бегать электрические заряды. Они даже не целовались, потому что ещё не умели целоваться.

На другой день Фалина уехала к родителям в Башкирию, а Гумер стал работать в колхозе, как он делал каждое лето ещё с пятого класса.

Фалина опасалась писать ему, боялась, что письма могут попасть в чужие руки, и стыда тогда не оберёшься. Гумер нехотя согласился с её доводами и с нетерпением ожидал начала сентября. Фалина, надо сказать, корила Гумера за его плохую успеваемость, и тогда юноша поклялся, что станет учиться хорошо: ведь для него это тьфу, просто «раз плюнуть». Неизвестно, сколько раз «плюнул» Гумер, но не прошло и двух месяцев в девятом классе, как он подтянулся по всем предметам, и учился только на «пятёрки» и «четвёрки». Конечно, учителя не сомневались в способностях юноши, но всё же были удивлены резкой перемене в его учёбе и гадали, что же явилось причиной такой, несомненно, положительной метаморфозы.

Отец Фалины никак не мог выздороветь, и поэтому переезд пока откладывали, ждали, когда поправится глава семьи. Не желая, чтобы дочь меняла школу, решили, что Фалина продолжит учёбу в родном селе. Итак, Гумер и Фалина стали встречаться, соблюдая все меры предосторожности. За два месяца они виделись наедине лишь семь раз. Гумер описывал каждую встречу в толстой тетради, которую прятал в

щели под крышей лабаза. Он получал большое удовольствие, перечитывая свои записи. Правда, он и так помнил до мельчайших подробностей каждую встречу, но одно дело – держать их в памяти, и совсем другое – запечатлеть их письменно.

Да, они встречались тайно, придумывая изодранные правила конспирации. Но разве можно утаить шило в мешке?! Тем более в деревне, где знают абсолютно всё, вплоть до имени владельца калоши, след которой обнаружен на вчерашней «лепёшке» коровьего навоза возле дома имярека. Тем более что со временем влюблённые осмелели и ослабили бдительность. Вернее, Фалина оставалась осторожной, а Гумер при каждой встрече норовил побыстрее заключить в объятия свою Джульетту и прильнуть жадными губами к её сладостным устам. Гумер ничуть не боялся, что в деревне узнают про их любовь. От прошлогодней ребяческой робости не осталось и следа, и он не только не стеснялся своей любви к Фалине, но гордился этим чувством. Теперь его не страшили ни директор школы, ни учителя, ни сам шайтан. Но, вынужденный подчиняться требованиям девушки, он встречался с ней тайно, чтобы никто, не дай бог, не узнал про их отношения.

А Фалина боялась, просто отчаянно трусила. Страх не покидал её сердца, она опасалась, что о её «грехе» станет известно родителям или учителям. Уж если прознают – пиши пропало. Она и сама не понимала, почему ужас перед возможным разоблачением так глубоко проник в пугливое сердечко. Она, бедняжка, не осознавала, что кристально чистая, самозабвенная, всепоглощающая любовь никак не может, не должна быть причиной злословия. Но ведь девушка видела, что учителя думают иначе, а их слова и мнение имели весомый авторитет и в глазах сельчан, и в глазах её родителей. Поэтому Фалине казалось, что, если кто-нибудь увидит, как она обнимается и – о, боже! – целуется с Гумером, весь мир тотчас же полетит в тартара-

ры, а их обоих поглотит преисподняя. И всё закончится: и любовь, и школа, и репутация чистой, невинной дочери, а вместе с этим и будущее. Все дороги перед ней окажутся закрытыми, а имя её покроется несмываемым позором.

И это произошло – их увидели. Не просто увидели, а оказались свидетелями, как они обнимались и даже целовались!

В тот день Гумер был особенно опрометчив. В школе прошёл праздничный вечер, посвящённый очередной годовщине Октябрьской революции, как полагается, с докладом, концертом школьной самодеятельности и танцами. У Гумера с Фалиной нашлись причины для волнения, ведь юноша на концерте читал отрывок из своего дневника. Отрывок назывался «Страсть» и был написан в стиле ритмической прозы, наподобие горьковского «Буревестника». В литературном произведении Гумера так и хлопотала неумная энергия, решительность и стремление к новому, неизведанному. Вдохновенная, даже пламенная декламация Гумера несколько насторожила учителей. Впрочем, отрывок имел несомненный успех у школьников, которые неистово аплодировали своему кумиру. Одна Фалина понимала затаённый подтекст выступления, который провозглашал, что настоящая любовь сильнее всего на свете, что она должна освободиться от предрассудков, а извечное стремление к прекрасному требует свободы чувства.

Во время танцев Гумер, ещё не остывший после своего триумфа, черкнул записочку и, проходя мимо Фалины, незаметно сунул бумажку в её руку. «Приходи в конец коридора, под лестницу. Жду», – гласила она. Девушка выждала две-три минуты и тихонько выбралась из зала. Едва ли они с Гумером заметили, как пристально следили за ними педагоги, почуявшие неладное. Свет в конце коридора был выключен, чтобы там не баловались малышня из начальных классов, потому под лестницей стояла кромешная мгла. Гумер нетерпеливо потащил Фалину за собой.

– Не надо, Гумер, не дай бог, кто увидит, – зашептала девушка. – Встретимся после танцев у чёрных бань.

– Нет, Фалина, ты мне нужна сейчас, сию минуту, – лихорадочно пробормотал Гумер, крепко обняв девушку.

Губы сомкнулись в страстном поцелуе... Кипела в жилах молодая кровь... Две юные души остались наедине, вдвоём на этой огромной, неуютной планете. Вернее, в крошечном уголке необъятной Вселенной встретились Душа с Душой...

И в этот миг из какой-то галактики, с враждебной планеты обрушился на хрупкие души сноп яркого света, и безобразные инопланетяне заверещали на все голоса:

– Ах! Бессовестные! Бестыжие! Греховодники! Так-то вам не терпится, что начали заниматься развратом в стенах родной школы? Ну-ка, сейчас же посмотрите мне в глаза!

Влюблённые не успели отпрянуть друг от друга, и «классная мегера», неслышно подкрадываясь к ним, осветила их карманным фонариком. Нарушители целомудренной морали, застигнутые врасплох, щурили глаза от яркого света.

На следующий день Гумера вызвали в кабинет директора школы. Педагог строго потребовал:

– Ну, рассказывай всё, как было, и не смей врать.

А Гумеру вдруг захотелось поведать директору о чистой любви между ним и Фалиной, о том, что их чувства никоим образом не могут угрожать нравственным устоям общества и отражаться на жизни школы, их учёбе и будущности. Но всё же он спросил нерешительно:

– Если расскажу всё без утайки, вы не станете передавать это другим?

– Я не из тех, кто отличается болтливостью, – сухо ответил директор.

Какой ещё ответ нужен человеку, которому очень хочется верить в добро и справедливость? И Гумер рассказал обо всём. Директор молча выслушал его. Это был, вероятно, первый случай в истории школы, когда директор и ученик беседовали по душам, как равный с

равным, и это обстоятельство было настолько новым явлением в педагогической практике педагога, что он невольно растерялся. Нет, он не сердился на Гумера, хотя чувствовал, что по своему положению, статусу и возрасту просто обязан отчитать юного Ромео. Однако какое-то внутреннее чутьё и интуиция удерживали его от того, чтобы разнести юношу в пух и прах.

– Я прошу вас, товарищ директор, только об одном, – произнёс Гумер, – разрешите продолжать наши встречи. А мы даём слово быть дисциплинированными, активно участвовать в общественной жизни школы, хорошо учиться.

Директор не знал, что делать в непростой ситуации, он замешкался, а потом нехотя буркнул:

– Ладно, иди. И никому о нашем разговоре.

– Даже Фалине? – переспросил уже в дверях Гумер.

Педагог снова замолчал, не зная что ответить, а после жестом указал ученику на дверь. Гумер поставил его перед сложной проблемой и, поразмыслив, директор решил вынести этот вопрос на ближайший педсовет, посоветоваться с коллегами. А это было большой ошибкой. К сожалению, Гумер, сам того не зная, нарушил незыблемое правило педагогики и уничтожил ту дистанцию, которая непременно существовала между учеником и директором школы. В умении соблюдать субординацию и кроется авторитет директора, как цепная собака, оно ревностно охраняет статус руководителя школы, и, если невзначай стереть это таинственное расстояние, убить «цепного пса», авторитет директора тут же летит ко всем чертям. Гумер дистанцию уничтожил, ненароком, не нарочно убил «цепного пса» и превратил педагога в своего сердечного собеседника, поверителя своих тайн. И в то же время он не мог до конца уничтожить естественную разницу между учеником и директором, хотя бы потому, что руководитель школы стоял выше ученика по многим параметрам: по возрасту и положению, знаниям и жизненному

опыту. Руководитель – наставник, ученик – подмастерье. Директор перед учеником, словно аксакал перед ребёнком, душа которого ещё мягка, как тесто, как тёплый воск. Эту разницу никак не преодолеть, она априори определяла почтительное, уважительное отношение ученика к директору. Однако в таких тонких материалах, как человечность, духовность, сила любви, педагог совсем не обязательно должен быть выше и богаче своего ученика. Гумер после разговора с педагогом ввиду юного возраста вряд ли думал именно так, как теперь, лёжа на кровати в санаторном номере крымского города Алупки. Тогда, однако, Гумер вышел из школы, окрылённый надеждой, с искренней симпатией к директору и ко всем учителям. Ему хотелось любить всех в этом мире, даже классную руководительницу.

Чувствуя необыкновенное облегчение, Гумер рассказал Фалине о своём признании, но девушка, напротив, не разделила его радости, она упала духом и уже ожидала беды.

– Я боюсь, Гумер, – сказала она. – Напрасно ты повинился.

Встреча у них в тот вечер так и не сложилась, слишком разные были у них настроения. И речка Тубеташ, у изгиба которой они обычно виделись, не журчала весело, как прежде, а придорожные заросли лопухов и мать-и-мачехи выглядели печально. Грустно светила луна, уныло мерцали звёзды. Поленья, приставленные к стене дома Фалины, не сверкали своими наконечниками, скучную картину являли собой копьятины от картофельного поля, и ханский дворец вновь превратился в невзрачную, вросшую в землю клеть...

Опасения Фалины оправдались довольно скоро. Директор на педсовете «поднял» и этот вопрос, коротко пересказав всё, что услышал от Гумера. Учителей охватил благородный гнев и справедливое возмущение. Ох, как они возмущались! Как негодовали! Предыдущие «важные» вопросы уменьшились до размера пескарей, и в омуте педсовета осталась плавать одна лишь зуба-

стая щука под названием «Вопиющий проступок Гумера и Фалины». Но мнения педагогов разделились, немногочисленные трезвые головы призывали к терпимости и осторожному, взвешенному решению проблемы. Подчёркивали, что дружба с Фалиной благотворно подействовала на Гумера, поведение и успеваемость которого значительно улучшились. Но большинство педагогов решительно высказалось за принятие жёстких мер против «нарушителей морали и нравственности». Впрочем, последнее слово оставалось за классной руководительницей, ведь она лучше знала своих «питомцев».

– Что мы делаем, товарищи?! – вскинулась «классная дама». – Куда катимся? Ведь никто из вас не видел, как они... как целовались! А я видела! Видела эту мерзкую, пакостную сцену разврата в стенах нашей школы! Не стоит раскисать и оправдывать этих двух отщепенцев, которые рискуют поставить позорное пятно на нашей репутации педагогов. Моё предложение такое: объявить им обоим строгий выговор перед лицом всего коллектива на общешкольной линейке! Если моё предложение не будет принято, даю голову на отсечение, что на будущий год наши школьницы будут приходить в школу со своими младенцами.

Кое-кто из учителей выразили недовольство: «Не передёргивай!..», «Эх, куда тебя понесло, однако!» Но их высказывания потонули в общем гуле: «Правильно!.. Верно!.. Точно сказала!.. Согласны!..»

Директор по обыкновению старался нащупать «золотую середину», потому решили строгий выговор от имени руководства школы не выносить, но «пропесочить» сладкую парочку на общешкольной линейке, что равнялось прилюдному позору.

Гумер за время той «эзекуции» даже не покраснел. От утерянного доверия к директору и всем педагогам душа его словно окаменела. Ему давно уже было всё равно, как сельчане отнесутся к его чувствам, станут ли сплетничать,

смеяться или завидовать. Под гнётом любых нападок любовь его лишь крепла. Но Фалине приходилось туго. На педсовете девушка прятала заплаканные глаза, не находившие себе места от стыда. Классная руководительница в открытую обвинила её в том, что она не сохранила своей девичьей чистоты, гордости, и до окончательного падения ей остался всего лишь один шаг. О, как Фалина раскаивалась, что согласилась пойти в тот вечер под лестницу, где её караулил искуситель, она винила в своём позоре Гумера. В день общешкольной линейки девушка даже не захотела встретиться с ним, ему удалось поговорить с Фалиной лишь у её дома.

– Зачем ты обо всём рассказал директору?! – выговаривала она Гумеру. – Отчитался перед ним как пятилетний малыш перед отцом. Ну не дурак ли? Я не верю тебе, и ко мне больше не подходи, наши пути разошлись, ты растоптал самое святое, самое дорогое, что нас связывало – моё доверие!

После такой беспощадной отповеди удерживать Фалину не имело смысла. Гумер в ту ночь ворочался, не мог заснуть, весь день ничего не ел, не слушал учителей, да и в школу пошёл только для того, чтобы увидеть Фалину. Он снова замкнулся в себе, осунулся, похудел, почернел от горя, ожесточился сердцем...

«Вот когда началась у меня та хандра, которую Юрий назвал «тысячекратней», – думал Гумер, по-прежнему ворочаясь на кровати в своей санаторной палате. – Не просто хандра, а пик вселенской тоски». Но главная кручина, оказывается, ждала впереди.

После окончания десятого класса Гумер стал работать в колхозе, затем в сельской библиотеке и понемногу начал «оттаивать», приходить в себя. Он снова превратился в активного общественника, возглавил художественную самодеятельность, комсомольскую организацию и общество ДОСААФ колхоза. Только теперь причиной его «оживления» была не Фалина, а Танзиля. Фалина же сразу после окончания девято-

го класса вернулась в Башкирию. Отец её так и не смог оправиться от болезни, и мать решила не испытывать больше судьбу и остаться там, где они свили себе гнездо. Она получила из деревни отчёт о «похождениях» Фалины, не на шутку перепугалась и поспешила вернуть дочку под своё крылышко, пока та окончательно не сбилась с пути.

После позорной линейки они больше не уединялись, но до окончательно расставания оставалось несколько месяцев, когда волей-неволей Фалина с Гумером сталкивались в школе и на улице. Гумер, огорчённый «изменой» подруги, казался отрешённым от мирской суеты, запоем читал книги и продолжал вести свои записи, которых набралось уже три толстых тетради. Часто он углублялся в книжные перипетии на школьных переменах, и тогда во время чтения ощущал на себе тёплый любящий взгляд девушки. Чтобы Фалина не смущалась, он продолжал сидеть с опущенной головой, уже не видя ни строчки, но покрываясь знакомым ознобом под лаской её глаз. А когда девушку вызывали к доске, он с неистребимой жаждой смотрел на неё. Порой вечерами он осмеливался приходить к дому Фалины, свистел под окнами, звал её, но девушка не отзывалась и не выходила к нему. Так незаметно закончился учебный год, и Фалина уехала, а Гумер остался наедине со своим горем и безрадостным будущим.

В десятом классе Гумер несколько раз писал Фалине. Она ему иногда отвечала, и каждое такое письмо бросало парня то в жар, то в холод... А последнее...

«Гумер, мне очень тяжело, – написала она. – Я никогда никого не смогу уже полюбить так, как любила тебя. Я знаю, что ты после той злополучной школьной линейки, где нас выставили на посмешище, каждый день ходил возле наших ворот, свистел под моими окнами. Ты звал меня, и я ночами плакала от любви к тебе, но выйти не решалась. Боялась, что снова нас увидят и высмеют окончательно. К тому же от мамы приходи-

ли тревожные письма. Оказывается, она через классную руководительницу узнала о наших с тобой отношениях и очень расстроилась. Она умоляла меня порвать отношения с тобой и не думать о юношах, пока не закончу школу, не позорить честь нашей семьи, нашего рода, нашей деревни. Она знает, что я тоскую по тебе, и ругает меня за это, требует, чтобы я забыла тебя, чтобы все силы отдала учебе. Мне не хочется расстраивать маму, я люблю и жалею её, хотя и тебя не могу забыть. Но я боюсь даже заикнуться о поездке в гости к тёте, чтобы не подумали, что это я из-за тебя хочу туда поехать. Давай прекратим наши отношения, Гумер, и не будем писать друг другу письма, забудем друг друга, может, от этого нам обоим полегчает. Это моё последнее письмо, и ты тоже больше не пиши. Меня, наверное, за многое можно ругать, я не всегда была права, но хочу, чтобы ты вспомнил меня только добрыми словами, хранил в памяти только светлые и чистые стороны нашей любви, наших чувств. Я буду помнить тебя, ты останешься для меня самым чистым, хорошим, тёплым и дорогим воспоминанием. Прощай. Постарайся найти среди девушек ту, которая тебе понравится. Последняя моя просьба – найди такую, которая будет лучше меня».

О, эти письма юности! Наивные, искренние, немного смешные со своим стремлением к преувеличению, чистые, как девичья слеза.

После прощального послания Фалины Гумер забросал её отчаянными письмами. Подруга поначалу не отвечала, но через два месяца не выдержала и отправила очередную «последнюю» весточку. Таких «последних» писем набралось четыре, и они стали для него бесценным свидетельством трогательной любви обоих адресатов.

С грехом пополам окончив десятилетку, Гумер вздохнул с облегчением. У него тогда не было никаких планов на будущее, они появились позднее, благодаря теперешней жене Танзиле. Но почему Гумер приехал в Крым без

Танзили? Почему он в этом черноморском оазисе думает прежде всего о Фалине? Гумер представлял себе, как они с Фалиной гуляют по черноморскому побережью, купаются в море, даже не плавают, а лежат, чуть покачиваясь на солёных морских волнах, как будто загорают на пляже, подставляя солнцу то один, то другой бок. И море держит их, не даёт утонуть. Другие купальщики пробуют лежать на поверхности моря, но быстро погружаются в воду, а Гумер с Фалиной не тонут и посмеиваются над потугами подражавших им курортников. Вот Гумер озорно кувыркается в морской глади, а Фалина следует за ним, но повторять кульбиты не спешит, лишь с улыбкой наблюдает за своим возлюбленным. И вдруг на берег прилетели два павлина и принялись склёвывать принесённые волнами мелкие кораллыбусинки. Павлины клевали бусинки и с улыбкой смотрели на Гумера и Фалину, хотя клювы у этих величественных птиц, казалось, вовсе не приспособлены для человеческих улыбок. Впрочем, Гумер с Фалиной не обращали внимания на птиц, они накрылись очередной пенистой волной, как пуховым одеялом, и сладко заснули. И было им очень-очень хорошо. Только вскоре их разбудили резкие крики павлинов, и Гумер с Фалиной, обнявшись, вышли на берег. А на берегу их ждала... Танзиля, которая подарила им букет белых крымских роз...

Рассвет ещё не наступил, а Гумер успел уже вспомнить всё своё прошлое, о многом подумать, а ещё увидеть дивный сон, длившийся, кажется, целую вечность.

* * *

После завтрака Гумер оправился навестить Юрия, и вскоре они, взяв Ларису и маленькую Наташу, пошли в тир. Гумер на этот раз стрелял плохо, Лариса набрала 99 очков, а Юра, наконец, взял 100 очков и очень радовался получению специального диплома Алупинского комитета ДОСААФ. Приятель

то и дело порывался «обмыть» диплом, но его благие порывы были на корню пресечены благоверной. Да и Гумер не особенно поддержал идею «обмыть», то есть, как говорят в этом случае, не проявил мужской солидарности. Тогда Юрий предложил пойти к морю добывать крабов, с этим предложением все согласились, особенно радовалась малышка Наташа.

У Юры был свой способ ловли крабов. Эти существа, похожие на огромных пауков, очень подвижные и пугливые, оказались чрезвычайно падки на такие лакомства, как подпорченная колбаса или ещё какой-то «деликатес с душком». При запахе протухшего куска краб напрочь забывал об осмотрительности и бросался на приманку. Обычно членистоногие обитатели моря, в случае опасности тут же прятались в различные расщелины или под ближайший камень. Зная о таких повадках будущей добычи, Юра выходил на промысел с двумя кусками прочной проволоки. Одну из них, изогнутую, как кочерга, он заранее засовывал под камень, где зарывался краб, на другой кусок проволоки насаживал кусок колбасы «с душком» и этим угощением выманивал ракообразного из норы. Одурманенный запахом колбасы краб выползал из норы, протягивая серповидные мощные клешни, потом перешагивал с виду безобидную проволоку, а та кривой кочергой вытягивала его тело из норы. В быстроте Юра ничуть не уступал морскому жителю, ловким движением хватал его за шейку, после чего пленник лишь бессильно щёлкал своими клешнями. Но если не успел схватить, пеняй на себя: клешни у краба острые. На пальцах моего приятеля уже красовались два-три шрама, оставшиеся от схватки с более проворными особями. Таланту ловца крабов больше всех радовалась его дочь Наташа. Стоило ему вытянуть очередную добычу, как от радости она начинала визжать, хлопать в ладошки и подпрыгивать на валуне.

— Я из дочки настоящую охотницу сделаю, так ведь, Наташенька? — разго-

варивал с дочерью Юра так, как обычно разговаривают якуты, то есть обращаясь к своим детям, будто их рядом нет. – Когда она станет большой, будет охотиться на оленя. В одиночку, конечно. Если бы она была мальчиком, то, став джигитом, пошли бы и на медведя, ну а для девицы, пожалуй, и олень сойдёт, так ведь?

– Нет, – категорически возражала Наташа, грозно хмуря брови. – Мальчиком я быть не хочу, но всё равно пойду на медведя, когда вырасту.

Маленькой Наташе не хотелось быть мальчишкой, она, считая их всех хулиганами, ругала при каждом удобном случае. Её отец знал о презрении Наташи к мальчишкам.

– Ну-ну, – ухмылялся он. – Не ломай так брови, а то лицо станет некрасивым, и джигиты не будут любить тебя.

– Пусть только попробуют!.. – грозилась пальчиком девочка. – Когда стану большой и буду охотником, я всех их – пух-пух! Застрелю!

– Людей нельзя – «пух-пух», – выговаривала ей мать.

– Мальчишки пусть не любят, а джигиты – другое дело!

Юра ловил крабов, Лариса с дочерью болтали ни о чём и обо всём понемногу, Гумер с улыбкой наблюдал за ними, думая: «Вот счастливая семья. Они находят радость и удовольствие от общения друг с другом».

– Эти крабы – точь-в-точь моя жена, – ухмылялся Юрий. – Хитрые, осторожные, проворные. И всё-таки заглатывают мою приманку, хы-ы!

– Уйми язык, – спокойно отвечала Лариса, – не то краб его тебе отрежет.

– Не обижай папу! – вмешивалась Наташа. Она всегда и во всём стояла на стороне отца.

«А мой сын, наоборот, всегда берёт сторону матери, и они вдвоём набрасываются на меня», – с грустью подумал Гумер.

Юра ловко подцепил очередного краба. Его дочь вновь завизжала и запрыгала от восторга.

Спустя неделю после октябрьских праздников Гумеру пришло письмо от жены Танзили. Супруга сообщала, что посылку с гостинцами получили, что у них всё хорошо, новостей нет. Письмо, как обычно, было бесстрастным, лаконичным, сухим, будто нехотя написанным. Предложения в нём настолько вымученные, что Гумер физически ощутил героические усилия жены по их составлению. Ни одного живого слова – сплошное равнодушие.

Почти все пациенты санатория ещё до праздника получили поздравительные телеграммы, открытки, письма, денежные переводы и даже посылки от своих близких. Юра, приходивший в санаторий пить лекарства и кумыс, заметил, что Гумер не получил ни одной весточки, но тактично промолчал.

Когда ноябрь перевалил за свою половину, Юрий засобирился в дорогу – срок его путёвки заканчивался, и он с семьёй через Москву возвращался в родную Якутию. Гумер провожал их до автобусной остановки.

– Мне редко встречаются такие замечательные люди, как ты, – сказал ему перед расставанием приятель. – Хотя ты любишь предаваться хандре, из тебя всё-таки выйдет человек. Впрочем, я неправильно выразился: в тридцать пять лет поздновато делать из тебя человека, лучше сказать, что из тебя выйдет толк, и ты ещё сотворишь нечто необыкновенное. Я это чувствую. У меня нюх охотника. Я тебе верю, как самому себе. А с женой отношения нужно налаживать, дорогой. Попробуй её растормошить, кровь разогнать, в конце концов, пробуди в ней ревность, только до развода дело не доводи. Правда, люди сейчас разводятся довольно легко и живут себе припеваючи, не обременённые семьёй. И всё-таки наши предки не одобряли развода.

Автобус увозил Юру с семьёй, и Гумер долго махал им вслед обеими руками, пока не скрылось из виду прилипшее к окну личико Наташи, которая улыбалась по-якутски на всю Вселенную...

* * *

Танзиля... Она после окончания Арского педучилища приехала преподавать в школу, где учился девятиклассник Гумер. Танзиля была красивой, умной, терпеливой и покладистой девушкой. Хочешь узнать всё о человеке, пошли его хотя бы на три-четыре месяца в деревню, а сам внимательно слушай и записывай, что о нём говорят сельчане. Их оценка будет самой верной характеристикой, живописным портретом. Слово сельчан – что не писанный закон, для них хороший человек – и есть хороший, а плохой – и есть плохой.

Танзилю сельчане единодушно причислили к «хорошим людям». Однако они не знали и даже не предполагали по своей наивности, что Танзиля умеет многое скрывать от посторонних. К ней как нельзя верно подходила народная пословица про железный амбар, внутри которого каменный амбар, внутри каменного – деревянный, а внутри деревянного амбара – сундук о семи замках. И этот сундук не могли открыть даже деревенские мудрецы. Никто не знал и не догадывался об истинном нраве Танзили, это спрятанное от всех лишь потом стал замечать Гумер.

Когда молодая учительница только начала работать в школе, она для Гумера была никем, пустым местом. Ему было всё равно, пришла в школу Танзиля или Фатыма, или ещё кто-то... Общаться они начали в кружке художественной самодеятельности, руководство которым доверили Танзиле как самому молодому преподавателю. Гумер там декламировал стихи. А у Танзили оказались прекрасные организаторские способности, сладкими посулами и дружеским расположением она вовлекла в кружок многих учеников. Однако вскоре сколоченному коллективу не хватало художественного руководителя, который смог бы приобщить школьников к искусству. Сама Танзиля неплохо пела, танцевала, могла читать со сцены монологи и стихотворения, но не было у неё дара к обучению. Бог

явно обделил её талантом режиссёра. До трагического расставания с Фалиной Гумер с удовольствием тащил на себе всю режиссёрскую работу в кружке. Но после отъезда любимой, парень совсем забросил это дело, и работа кружка распалась, а концерты, подготовленные Танзилёй, выглядели пресными и неинтересными.

А вот после школы Гумер вновь увлёкся клубом, отдавая кружку художественной самодеятельности всю нерастраченную энергию, находя там возможность выражать тоску по утраченной любви. Получив последнее письмо от Фалины, Гумер понял, что надежды на их встречу не осталось. Отец Фалины умер, а мать поклялась не покидать могилы мужа и передумала возвращаться в родное село. Мать Фалины проклонила Гумера и поставила перед дочерью жёсткое условие: или она забудет про свою любовь, или лишится матери. Кого выбрала безутешная Фалина можно было догадаться. Девушка окончательно простилась с Гумером и посоветовала ему найти другую, потому что она, Фалина, уже познакомилась с одним молодым человеком. Но Гумер любящим сердцем угадал, что ни с каким молодым человеком Фалина и не думала знакомиться, а написала ему об этом, чтобы Гумер оставил её в покое. Но над советом познакомиться с какой-нибудь девушкой он задумался. Действительно, почему бы не завести отношения с местной красавицей, которая поможет ему забыть о Фалине? Трудно всё время существовать с ощущением неотвратимой потери, ведь ему ещё жить, работать, учиться, найти себя в этом мире. Надо задуматься о выборе настоящей профессии, чтобы прокормить себя, помочь родителям, обзавестись собственной семьёй, в конце концов. В этой жизни есть ещё много интересного, хотя бы любимые им песни, стихи и, конечно, ждущие своего звёздного часа тетради, которые переселились из лабаза в ящик письменного стола. Если записи эти связаны с Фалиной, то хотя бы ради них стоило жить и творить.

Так думал тогда Гумер, а вскоре нашёлся и человек, с кем он мог поделиться своими мыслями, горестями, надеждами... Этим человеком и оказалась Танзиля. Гумеру нравились её сдержанность и задумчивость, спокойствие и скромность. Этими чертами Танзиля словно напоминала Гумеру его самого. Возглавив художественную самодеятельность в колхозе, он стал привлекать к концертам и Танзилю. Немало видных парней пыталось ухаживать за красивой учительницей, но Танзиля всем говорила, что занята и ждёт своего наречённого. В конце концов джигиты постепенно отступились, поэтому Гумеру после репетиций частенько приходилось провожать девушку до дома.

Танзиля не уставала говорить Гумеру о необходимости продолжить образование, и он, обласканный её, как ему казалось, искренней заботой, забывал о Фалине. Вскоре его назначили заведующим сельской библиотекой, и карьера Танзили пошла в гору – девушку избрали партийным агитатором, членом избирательной комиссии. Обязанностей у неё прибавлялось, старательности – тоже. По вечерам Танзиля частенько засиживалась в библиотеке, готовясь к очередной лекции или докладу. Книголюб в деревне было немного, так что по большей части Гумер и Танзиля оставались в библиотеке одни. Усидчивость молодой учительницы, её стремление к знаниям и рассудительность вызывали у Гумера невольное уважение. Порой он ловил себя на мысли, что, не общаясь с ней, начинает скучать.

Но однажды девушка открылась ему с неприятной стороны. Танзиля переписывалась со всеми студентами по педучилищу. Многие её подруги вышли замуж, и это задевало девушку, тогда Гумер впервые заметил тщательное скрываемое ею чувство зависти. Это как-то не укладывалось в голове парня, ведь как можно завидовать счастью своих подруг? Впрочем, Гумер не стал глубоко задумываться над неприглядной стороной характера своей знакомой, в остальном она казалась безупреч-

ной, и он всё сильнее привязывался к ней.

И наступил день, когда они без всяких объяснений отдались объятиям друг друга. Молодая учительница имела обыкновение допоздна засиживаться в классе над газетами и журналами. Гумер обычно дожидался её, а потом провожал до дома. В тот вечер, когда Танзиля, выключив свет, запирала дверь классной комнаты, Гумер вдруг крепко обнял её. Девушка не противилась, хотя сама не отвечала на его ласки, тогда он осторожно поднял её подбородок и нежно поцеловал в губы. Танзиля податливо принимала его ласки, а Гумеру было так хорошо в ту минуту, что он даже не вспомнил о Фалине.

С того дня при каждом удобном случае Гумер заключал Танзилю в объятия и страстно целовал, и вновь она не противилась, хотя и не отвечала на его ласки, воспринимая их как должное, как само собой разумеющееся. Но Гумер и этому был безмерно рад. Свои чувства к Фалине он воспринимал теперь как ребячество, мальчишество, и думал, что любил Танзилю настоящей, мужской любовью. Из поездок в райцентр он всегда привозил ей подарки, хотя Танзиля не приходила от этого в восторг и лишь вежливо благодарила. Гумер и эту сдержанность принимал за скромность и воспитанность.

Танзиля не порадовалась даже поступлению Гумера в Казанский институт культуры, хотя сама подталкивала его к этому шагу. Сообщив радостную весть о сданных вступительных экзаменах, он пылко обнял девушку, а она не поздравила его, просто сказала: «Вот и хорошо».

В тот же год её перевели преподавать в школу соседнего села, а Гумер принялся писать подруге пылкие письма, получая сдержанные и сухие ответы. «В деревне всё нормально. Я преподаю, участвую в общественных делах». Во время очередных каникул Гумер сделал Танзиле предложение, и она дала согласие, после чего они тихо и скромно расписались в загсе, став мужем и

женой. Гумер по-прежнему учился, а Танзиля преподавала, и именно тогда, почему-то втайне от него, поступила на заочное отделение пединститута. И вновь он посчитал это за проявление скромности. Действительно, зачем кричать о своих успехах на каждом углу, ведь учеба только началась. Когда родился сын, Танзиля взяла академический отпуск, а Гумеру велела продолжать учёбу.

Сыну исполнилось четыре года, когда он закончил институт и стал работать в одной из библиотек Казани. Танзиля училась на четвёртом курсе, а Гумеру надоела жизнь «на два фронта», и он предложил жене переехать в столицу. Ему как молодому специалисту и к тому же человеку семейному выделили однокомнатную квартиру без всяких удобств в древнем, оставшемся, вероятно, ещё со времён царя Гороха, доме. Таким образом, семья, наконец, воссоединилась.

За годы учёбы в институте Гумер набрался знаний, опыта, слыл он здесь одним из лучших студентов-общественников. По своей природе Гумер оставался человеком эмоциональным и чувствительным, он любил жену и сына и не обращал внимания на уже привычную сдержанность и даже сухость Танзили по отношению к нему. Надо сказать, что Танзиля слыла образцовой матерью и хозяйкой. В доме всегда была готовая, вкусная еда, царили чистота и порядок, всюду ощущался пусть скромный, но достаток, несмотря на довольно скудный семейный бюджет. В ребёнке она души не чаяла, лелеяла, словом, всю душу, все свои усилия и энергию Танзиля отдавала сыну, учёбе и наведению уюта в лишённой всяких удобств лачуге. Она хорошо обихаживала мужа, однако пылких чувств не выказывала, лишь терпеливо принимала его ласки, но сама ни разу не обняла, не поцеловала... Если Гумеру вздумалось бы оставить жену без близости на долгое время, она вряд ли заметила бы это. В остальном жену трудно было упрекнуть, кроме этого непонятного Гумеру равнодушия. Посте-

пенно и сын стал относиться к отцу с таким же безучастием, хотя между матерью и сыном сложились весьма нежные отношения, они не расставались надолго, могли день и ночь болтать, играть, смеяться. А с отцом сын почти не играл. Что только не предпринимал Гумер, чтобы развеселить ребёнка, какие только игрушки ни покупал, но сын по-прежнему молча и равнодушно взирал на родителя, хотя купленным игрушкам радовался и возился с ними, пока они не теряли для него новизны.

Постепенно Гумер стал тяготиться натянутых отношений в семье. К нему снова вернулась тоска. Ему хотелось хотя бы немного ласки, нежности, семейной неги, по ночам даже чудилось, что кто-то нежно целует его в губы, ласково обнимает за плечи. И вот в его душу откуда-то издалека, из-за невидимого горизонта начала возвращаться Фалина. Она появлялась всё чаще и чаще, и Гумер стал ощущать на своём лице её ласковые взгляды, закрыв глаза, нежился в лучах любимых глаз. Он не раз сравнивал жену с Фалиной, и это сравнение было не в пользу Танзили. Словом, спустя несколько лет почти полного забвения Фалина снова завладела сердцем Гумера, который теперь снова жил ради Фалины, ради любви к ней. Записи в тетрадях оживили его воспоминания, разбередили душевные раны, воспламенили погасшие было чувства, возвратили поклонение и преклонение перед силой Великой Любви.

Переписываясь с друзьями и односельчанами, Гумер узнал, что Фалина вышла замуж за хорошего человека, родила двоих детей и живёт с семьёй и матерью в одном из городов Башкортостана. Но странное дело, Гумера почему-то не интересовала нынешняя, теперешняя Фалина. Он узнавал о ней не ради былой любви, а просто для справки. Да, Гумер продолжал любить Фалину, но прежнюю, ещё школьницу, старшеклассницу. Ту Фалину, которая умела любить его не только губами и руками, но и взглядом. Гумера не удовлетворяла работа в библиотеке, хотя он

отдавался ей без очковтирательства. Он умел находить общий язык с абонентами, помогал им находить нужную литературу, и в библиотечной книге жалоб и предложений находилось немало записей с выражениями благодарности в его адрес. Но Гумеру казалось, что эта работа сковывает его возможности, что его талант, способности, знания не расходуются здесь даже наполовину. Он понимал, что ему можно и нужно приложить силы в другой, более важной для него области, но не знал, в какой. Когда-нибудь Гумер всё-таки уйдёт из библиотеки, которая станет для него лишь ступенькой на пути вверх, к новым высотам. Так он думал.

Странно, но и семья стала казаться Гумеру чем-то вроде временного явления, переходного этапа... К чему? Ему казалось, что вот-вот произойдёт нечто грандиозное и коренным образом изменит его жизнь, тогда Танзиля с Гумером с облегчением расстанутся, пойдя каждый своей дорогой.

«Стоп! А ребёнок? А сын?!» Этот вопрос продолжал буравить мозг Гумера. Он уже тысячу раз задавался этим вопросом и не смог найти на него ответ. Он в душе даже пробовал обратиться с этим вопросом к Фалине, на что она погрозила пальчиком и сказала: «Не вздумай оставить ребёнка сиротой!» Гумер повторил, опять же мысленно, свой вопрос Танзиле, и супруга, пожав плечами, равнодушно обронила: «Поступай, как хочешь!» Ничего себе! Вот так ответ! Получается, что родная мать как будто не озабочена участью своего сына, а совершенно посторонняя женщина готова защитить чужого ребёнка.

* * *

После отъезда семьи Юрия Гумер вновь ощутил острое одиночество. Лёжа на кровати, он вспоминал, как за три дня до отъезда зашёл к друзьям и увидел на столе стопку своих тетрадей, которые давал другу для прочтения.

– Гумер, – медленно начал его якутский приятель, – заранее извиняюсь,

если буду чересчур многословен. Я привык раскрывать мысль полностью.

– Не беда, – кивнул Гумер, – Я весь во внимании.

– Не сердись, буду говорить прямо и то, что думаю. Попробуй рассудить трезво и ответить на вопрос: кто же ты такой? Работа тебя не удовлетворяет, твои отношения с семьёй прохладны, у тебя нет испытанных в горе и радостях друзей. Ты вбил себе в голову образ Фалины как некой чудотворной иконы и, словно язычник, преклоняешься перед ней...

Гумеру показалось, что его ударили дубиной по голове. Ну нет! Он не позволит так отзываться о Фалине!

– Ты можешь что угодно говорить обо мне, но, пожалуйста, не трогай Фалину.

– А я её и не трогаю, упаси аллах! – ответил Юра. – Её уже никто тронуть не может, ни ты, ни я, потому что у реальной Фалины есть семья, муж, дети. Я же имею в виду вымышленную Фалину, вернее, выдуманный тобой образ. Согласен, к ней ты испытываешь великую любовь, но эта любовь, какой бы чистой она ни была, не приносит счастья ни тебе, ни твоей семье. Она бесполезна и для общества. Я бы ещё мог оправдать это чувство, если бы оно помогло тебе, скажем, в воспитании хотя бы одного ребёнка. Но... В этом месте нашей беседы я вынужден возвратиться к твоим тетрадям, вернее, дополнить, продолжить ими наш разговор. Если рассмотреть тебя в контексте с тетрадями, ты, Гумер, удивительная личность. И да упадут мои слова зёрнами в плодородную почву – из этих тетрадей может получиться замечательная книга, которая станет глотком свежего воздуха для затравленных тяжёлой жизнью людей. Книгой, утверждающей силу великой любви, которая научит воспринимать жизнь во всей её гармонии. Но тебе придётся ещё много работать над своими записями. И если ты, не жалея своих сил, времени, мучаясь ночами в поисках золотой иголки в стогу словесного сена, действительно сможешь гармонично

собрать эти образы воедино, в одну книгу, считай, что твоя доселе сумбурная, утомительная, начавшая киснуть жизнь прожита будет не зря. А ты сможешь это сделать, Гумер, в твоей душе осталось ещё много неистраченной силы...

Гумеру вдруг показалось, что устами Юры сама Фалина наставляет его на путь истинный. Да-да, именно так! Он как будто слышал голос самой Фалины! Во всяком случае, не перед якутским же приятелем развесил он свои уши...

* * *

С тех пор, как уехала семья Юры, Гумер остался совсем один. Проводив их, он вернулся в палату, долго о чём-то думал и решил написать Танзилю письмо. Взял чистый лист бумаги и вывел отдельной строкой: «Здравствуйте, Танзиля и сынок!» Потом снова надолго задумался, вздохнул и продолжил: «Танзиля! Обстоятельства и наши с тобой отношения сложились таким образом и достигли такой критической точки, что нам, думаю, нужно как минимум год отдохнуть друг от друга. Пусть предстоящий год станет своего рода испытанием для нас. Кроме того, врачи утверждали, что для моих лёгких очень полезен крымский климат, так что и в

этом смысле мне лучше до поры до времени остаться в Крыму. Через неделю заканчивается время моего пребывания в санатории, а вчера я нашёл себе работу разнорабочим в Алушкинском парке. Сообщи моим коллегам и начальству по работе, чтобы не удивлялись тому, что я со своим высшим образованием согласился на такую неквалифицированную работу. Есть у меня ещё масса накопившихся дел, о которых пока не могу сказать. За год, может быть, и сын по мне соскучится. Насчёт алиментов и прочего не беспокойся, половину заработка буду отсылать вам. А пока прощайте».

Гумер сложил лист вчетверо, сунул его в почтовый конверт, лизнул липкую полоску и заклеил послание. Аккуратным почерком вывел адрес, фамилию, имя и положил письмо в карман, чтобы по пути на обед опустить его в почтовый ящик. Всё это он проделал с каким-то холодным спокойствием, после чего вышел на балкон. Несмотря на позднюю осень, погода стояла тёплая. Взгляд Гумера остановился на растущем прямо перед балконом каштане с раздвоенным стволом. Дерево стояло полуголым без своей густо-золотой кроны, и он шепнул как заклинание:

– Не печалься, дорогой каштан... Будет ещё весна!

Крым, Алушка – Ялта, 1974

